

18+

Руслан Ходяков

ЗАПАХ ЖЕНЩИНЫ

Я убью тебя нежно

Руслан Ходяков

**Запах женщины. Я
убью тебя нежно**

«Издательские решения»

Ходяков Р.

Запах женщины. Я убью тебя нежно / Р. Ходяков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745484-5

Действие романа происходит в конце 90-х. Финалистке конкурса красоты «Краса России» Маргарите Строковой поступает очередное недвусмысленное предложение от лидера одной из московских ОПГ Георгия Мелешева. Дело в том, что Марго — идеальный наёмный убийца, алиби которой никогда не подвергается сомнению... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-745484-5

© Ходяков Р.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	9
Глава третья	13
Глава четвертая	16
Глава пятая	19
Глава шестая	23
Глава седьмая	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Запах женщины
Я убью тебя нежно
Руслан Ходяков

© Руслан Ходяков, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

в которой звезды зажигают только потому, что это кому-нибудь нужно.

– Георгий велел передать, что диадема будет твоей...

– ...

– Георгий сказал, что он так хочет.

– Да пошел он, твой Георгий!

– Георгий не любит, когда его посылают.

– Слушай, ты, ублюдок бритый, мне все равно, любит твой Георгий, когда его посылают или нет. Мне его знаки внимания до лампы! И помощь мне его тоже не нужна, как и он сам!

– С огнем играешь, рыбка. Георгий...

Дверь маленькой гримерки отворилась. В душную, пропахшую духами и потом комнатку заглянула Светка, испуганно посмотрела на моего огромного собеседника, невозмутимо поигрывающего трубкой сотового телефона, и пролепетала:

– Рит, скоро вы там? Девочки нервничают...

– Исчезни. – Бросил мой собеседник, с интонацией, от которой мурашки бросаются враспынную по всему телу.

– Постойте, что значит исчезни? Кто вы такой? Миша кто это такой? Что он делает в гримерке? Почему девочки за дверью? – Отстранив Светку в гримерку стремительно вошел Ярослав Якубович – известный телеведущий и главный распорядитель конкурса красоты – «Звезда России». Рядом с ним суетился охранник Миша, шепотом что-то пытаюсь объяснить Якубовичу и настороженно поглядывая на типа с радиотелефоном. Вслед им галдели конкурсантки:

– Ярослав Викторович! Что это такое! Нам одеваться, гримироваться надо. Прогон скоро. А этот лоб, вваливается, всех выгоняет, закрывается с Риткой... И Миша с ним заодно...

Якубович внимательно посмотрел на меня и заглянул в свою планшетку:

– М-м-м... Маргарита Строкова, кажется? Что происходит? – он перевел взгляд на человека рядом со мной. Тот ухмыльнулся и подмигнул Якубовичу.

Якубовичу это не понравилось:

– Слушайте, кто вы такой? Что вы себе позволяете? – Он почему-то нервничая снова заглянул в планшетку и обратился к охраннику: Миша, кто это такой?

– Ярослав Викторович, я же вам пытаюсь объяснить... – он наклонился к низкорослому распорядителю и, что-то прошептал ему на ухо.

– А-а-а-а... – Протянул Якубович, и натянуто изобразив дружелюбную улыбку посмотрел на типа рядом со мной. – Вы от Григория Мелешева, значит?

Тип надменно кивнул и переложил телефон в другую руку.

– Так, девочки, оставьте их еще на несколько минут. Миша, пошли и никого не впускай! – Засуетился Якубович и попятился к выходу.

Я посмотрела на Бритого. Круглое лицо его расплылось в ухмылке, мол, вот так вот, рыбонька!

«Фиг, тебе!» – подумала я, открыла шкаф и, вытащив сумку со своими шмотками, вышла из гримерки сквозь толпу ошарашенных девушек.

– Строкова, вернись! – Визгливо крикнул мне в след Якубович.

– Ритка, ты куда? – Вторил ему Светкин голос.

– Попой резать провода, – буркнула я и пошла за кулисы.

Кулисы концертного зала «Россия» жили своей пыльной механической жизнью. Огромные полотна задников свисали с теряющегося в темной вышине потолка на металлических

тросах. Очертания бутафорских замков сливались в полумраке с серыми бетонными стенами. Декорации недавних представлений сваленные друг на друга и приготовленные к вечному заточению в запаснике громоздились повсюду. Между ними сновали какие-то люди в спецовках, девицы из кордебалета, музыканты, охранники в униформе и просто личности неизвестной принадлежности. Я прошла дальше в глубь кулис. На приступке поворотного круга, сидел человек, молодой парень, очевидно рабочий сцены, и курил. Рядом, на бетонной стене белела надпись, «Куриль запрещено», сделанная метровыми буквами которые можно было различить даже из космоса. Я посмотрела на него и чуть не упала запутавшись в подолах вечернего шелкового платья.

– Здесь ходить не положено. – Сказал парень и скользнул по моему обтянутому шелком до колен силуэту внимательными вездливными глазами.

– Курить здесь тоже не положено. – Бросила я проходя мимо.

Парень усмехнулся и затушил окурок о подошву ботинка. Еще раз по лапал меня глазами и вздохнул:

– Эх, хороша Маша, да жаль, что не наша...

– Точно, милый. – Сказала я и закинув спортивную сумку с одеждой на плече, специально повиливая задом пошла дальше в ночь кулис, искать место где можно спокойно переодеться. И нашла. Светка тоже меня нашла.

... – Все таки сука ты, Ритка! – Сказала Светка помогая мне расстегивать платё на спине. – Бросить все, когда ты уже в финале!

– Ап-чхи! Оно и правда... Черт, здесь пыли как муки на мукомольне! Я уже не только в финале, я уже королева конкурса – мисс «Звезда России»...

Светка тараторила свое:

– Ну, чего ты сюда забралась? Еле нашла тебя. Спасибо парень какой-то подсказал. Симпатичный, между прочим... Что, в гримерке было не переодеться? Забралась в какую-то конуру! То есть как «Звезда России?»

– Ты этого козла с «Дельтой» видела?

– Который нас всех из гримерки вытурил? Так это из-за него, что ли? Подумаешь, крутой какой! Я Славика скажу, он из него чикенбургер сделает.

– Это Славика твоего могут на котлеты пустить. Потому, что козел этот... Как бы тебе... В общем он подручный Мелешева. А Мелешев хочет... Хотя, это не важно. Мелешев просто хочет.

– Это тот который конкурс спонсирует? – Удивленно воскликнула Светка.

– Конкурс ... – Усмехнулась я, – Если бы только конкурс...

Со стороны сцены донеслись громкие аккорды позывных конкурса, многократно отраженные от внутреннего пространства кулис.

– Во, слышишь, прогон начинается, а я с тобой здесь вожусь, – Всполошилась Светка.

– Так иди, я тебя не держу, – Рассеянно проговорила я роясь в сумке. – И вообще, чего ты за мной сюда приперлась?

– Так мы ж подруги!

– Ага, подруги... И за чем ты меня в этот бардак втянула? – ворчала я натягивая джинсы. – Что, мало мне острых ощущений? Дура! Светка, не обращай внимания, это я про себя.

Пыльная штука на вроде портьеры, отгораживающая маленький закуток освещенный тусклой лампочкой от остального мира кулис, отодвинулась и показала физиономия давешнего рабочего сцены. Рабочий оторопело уставился на мою голую грудь.

– О, привет! Чего уставился? Сисек никогда не видел? – Грубо бросила Светка.

– Таких не видел... – Восхищенно проговорил парень.

– Посмотрел? – Спросила я застегивая джинсы.

– Посмотрел.

– А теперь проваливай. Я по пятницам не подаю, – я задернула портеру перед самым его носом и достала из сумки свитер. Молодой человек за портьерой потоптался немного на месте и удалился. Оркестр на сцене заиграл Штрауса.

– Не чего, парниша, смазливый. – Проговорила Светка. – Жалко только, что работяга простой...

– Ну-ну. – Я закрыла молнию на сумке. И сунула Светке в руки скомканное ворохом платье. – На, отдашь. Нам чужого не надо.

– Ритусик, а может не стоит. Может вернешься? – Жалобно проговорила Светка, – Представляешь – ты – «Звезда России!»

Я одела свитер, и принялась зашнуровывать кроссовки. Светка всхлипывала прижимая к груди платье. «Сказки венского леса» доносились со сцены и что-то нереальное было во всем этом. Пыльные кулисы. Всхлипывающая Светка. Приглушенный Штраус. Словно я маленькая девочка неожиданно попавший на взрослую вечеринку. Я поднялась и обняв прижала к себе Светку.

– Не могу я Светик. Не могу. Ненавижу я его...

– Кого?.. – Светка посмотрела мне в лицо и всхлипнула.

– Какая разница, Светка. Давай иди. Опоздаешь.

Мы вышли из закутка. Светка стояла передо мной комкая платье:

– Увидимся.

– Обязательно. Давай иди... Ой, стой, блин, забыла! Сходи пожалуйста в гримерку и принеси мою куртку. Ты знаешь.

– Хорошо... Ритка, какие все таки у тебя красивые волосы... Как лен... – Светка еще раз всхлипнула и пошла прочь часто оборачиваясь и натываясь на декорации. На сцене играли вальс Штрауса.

Я посмотрела ей в след, покачала головой и потопала к служебному входу.

Возле служебного входа тоже толкались аборигены концертного зала. Вечные контрамарочники, газетчики, техники-телевизионщики и вездесущие охранники в камуфляже. Стараясь не мозолить глаза туземцам я укрылась за полупрозрачной конторкой пропускного пункта, сквозь стекло наблюдая за входом за кулисы. Минут через пять появилась Светка с кожаной курткой в руках и остановилась в дверях выискивая меня взглядом. Ее вечернее узкое платье и вычурный макияж заметно привлекали внимание окружающих. Я помахала Светке рукой из-за конторки. Светка увидела меня, обрадовалась и улыбаясь засеменила ко мне.

– Ой, Рита! – Затараторила Светка, оглядываясь по сторонам. – Если хочешь сматываться, то сматывайся поскорей. А то там тебя Якубович с собаками разыскивает! На твою куртку. Я побежала... Ты куда? Домой? В Питер?

– Не знаю... Наверное. – Проговорила я надевая куртку и набрасывая на голову капюшон.

– Ну, давай! Успехов! – Она чмокнула меня в щеку и упорхнула.

«Эх, Светка, Светка... Мне бы твой характер. Только, что ревела в три ручья, и на те – все прошло. Везучая. Луговая бабочка – вот кто ты, подружка». – Я горько усмехнулась, подобрала с пола сумку и протискиваясь сквозь толпу пошла к турникету на выходе.

Звезда России для меня закатилась навсегда.

Глава вторая

Светка

Какая женщина не любит драгоценности! Можно сказать по другому: Если женщина не любит драгоценности, значит она мужчина! Впрочем, и среди последних, встречаются некоторые присоседившиеся к женщинам создания обожающие всякие там побрякушки. Цепь золотую в пол кило весом на шею, для престижу наверное, а то и серьгу в ухо, уж не знаю для чего. Но это, как говорится, их личное дело. Мы к этому касательства не имеем. Нам даже покупать драгоценности не обязательно. Нам бы потолкаться возле витрин с залежами сверкающего барахла. Поглазеть, повздыхать, а если можно потрогать ручками. Вот где счастье-то! Возле такой витрины, в магазине Пассаж на Невском проспекте в Петербурге, я и познакомилась со Светкой.

Ух, Пассаж, магазинчик еще тот! Кто был – тот знает. Целое царство вещей под стеклянным куполом. С арками, балюстрадами, переходами и виадуками. И люди как муравьи растаскивают из многочисленных лавочек и отдельчиков всякие нужные им вещички, распихивают все это по сумочкам, кулечкам и пакетам, и несут домой, к себе в норку, что бы потом похвастаться перед своими домашними новыми куртками, кастрюлями, занавесками и утюгами.

Я люблю гулять по Пассажу. Здесь просторно, светло, и шумно. Здесь перестаешь себя чувствовать одинокой. Можно потолкаться в какой ни будь очереди, обсудит ту или иную вещь с совершенно незнакомым человеком и даже случайно встретить старых знакомых, с которыми не виделась много лет. Ну и конечно – ювелирный отдел!

– Эй, девушка! Где у вас тут брильянты, в конце – концов! – недовольно воскликнула симпатичная брюнетка, рядом со мной глазевшая на витрину с серебрянными украшениями, обращаясь к продавщице.

Столько возмущения было в ее вопросе, столько негодования! Мол, я уже битый час плююсь на витрину со всяким железом, а того, что мне нужно, так и не нашла!

– Там... – растерянно указала продавщица на соседний отдел.

– Спасибо, – брюнетка с гордым видом отошла к соседнему прилавку.

Ничего себе цаца. Бриллианты ей подавай.

Заинтригованная, я последовала за ней. Девушка с наглым упорством протиснулась к застекленному бархатному ложу на котором покоились ограненные трупички алмазов в сверкающей оправе. Долго водила пальцем по витрине, наконец выбрала кольцо с огромным плоским камнем окруженным созвездием мелких, сверкающих зернышек.

– Девушка, а девушка! – обратилась она к продавщице занимавшейся другой покупательницей.

– Секундочку, – проговорила продавщица, продолжая разговаривать с клиентом. – Да с одиннадцати мы работаем! С одиннадцати... Я вас слушаю, девушка! – она подошла к брюнетке.

– Покажите мне пожалуйста вот это колечко! – девушка длинным ногтем мизинца покрытого коричневым лаком, указала на выбранное ею кольцо.

– Какое? Вот это?

– Да, вот это, с большим камушком.

Продавщица подозрительно посмотрела на брюнеточку, взглядом оценила ее одежду, прическу и еле заметно кивнула охраннику. Затем достала кольцо, и протянула его брюнетке. Охранник обошел прилавок и стал недалеко от девушки не спуская с нее глаз. Я подошла в плотную к девице. Мне было жутко интересно.

Девушка быстро посмотрела на охранника, на продавщицу, потом, почему-то на меня, взяла кольцо и зажмурив глаза, одела его на указательный палец. Покрутила его на пальце, отвела руку в сторону и открыла глаза, глядя на кольцо.

– Ну, как? – настороженно спросила продавщица.

– Отпад! – ответила брюнетка. – Только вот эти камушки слишком мелкие, – она манерно оттопырив мизинец другой руки указала им на окружение главного бриллианта.

– Ну, что вы! – возразила продавщица. – Тогда бы кольцо выглядело грубым. А так оно... – она сама залюбовалась. – Изящное. И у вас очень красивые руки. Оно вам идет. А камушки мелкие, потому, что это россыпь.

– Какая же это россыпь? Это сыпь, самая натуральная, – брюнетка вертела рукой и бриллиант переливался в лучах ламп дневного света. Продавщица усмехнулась и поджала губки.

– Нет, правда, девушка, вам действительно очень хорошо! – не удержалась я от комплимента.

Мне тоже понравилось колечко.

– Правда? – брюнетка посмотрела на меня и радостно улыбнулась.

– Правда-правда! – Улыбкой на улыбку ответила я.

– Вот, и девушка вам говорит... – вставила продавщица. – Будете брать? А то мы скоро закрываемся.

Брюнетка еще немного полюбовалась кольцом, ноготком подцепила бирочку, посмотрела на цену, вздохнула, покрутила кольцо на пальце, как-то странно покосилась на продавщицу, на меня, мельком на охранника, еще раз покрутила кольцо, напряглась, и вдруг резко подалась назад.

– Куда это вы? – охранник схватил ее сзади за плечи. Продавщица вздрогнула и сунула руку под прилавок где, очевидно, находилась кнопка вызова милиции.

Ничего себе девушка! Решила кольцо с брюликами свистнуть среди белого дня. А с виду не скажешь. Девчушка-то вся из себя.

Я удивленно посмотрела на перепуганную брюнетку сжавшуюся в руках здорового охранника.

– Пустите меня! Что вы делаете? – крикнула она и дернулась в его руках. – Оно не снимается!

– Что, не снимается? – спросил охранник.

– Кольцо не снимается! Вот! – и брюнетка сунула палец с кольцом под нос охраннику.

Меня вдруг стало распирать от смеха.

– Правда, что ли? – спросила продавщица, но руку от кнопки не убрала.

– Вот, посмотрите, вот! – и девушка принялась сдирать кольцо с пальца, притопывая ножкой от бессилия.

Я хихикнула. Охранник ослабил хватку. Продавщица убрала руку от кнопки. Народ вокруг стал сгущаться, привлеченный неожиданной возней.

– Осторожней, а то пальцы сломаете! – сочувственно воскликнула продавщица, видя нервные бесполезные попытки брюнетки снять кольцо.

– Понимает, понимаете, у меня нежные руки... У меня нежные пальцы... Они быстро отекают, понимаете? – тараторила девушка, задыхаясь от стыда и злости на себя.

– Дайте, я посмотрю, – сказала я и осторожно взяла руку девушки. Палец с кольцом отек и посинел. У девочки действительно нежные руки.

– Послунявить надо! – под руку мне просунулся какой-то плюгавенький низенький мужичек с бесценным советом.

Я прыснула от смеха.

Брюнетка с верха в низ посмотрела на плюгавого и тоже рассмеялась как и я.

– Че ты ржешь! – спросила он меня. И слезы смеха, смешанные со слезами обиды навернулись к ней на глаза. Мы смотрели на друг друга и хихикали.

Прозвенел долгий звонок обозначающий закрытие магазина.

– Отойдите отсюда! – сказал охранник плюговому, отпуская брюнетку и рукой отстраняя в сторону мужичка. – Отдел закрыт! Попрошу всех на выход! – крикнул он скучковавшейся публике.

– Надо подождать, пока рука отойдет, – сказала я.

– А может мылом намылить? – спросила продавщица. – Вот, у меня есть мыло для таких случаев... Или под холодную воду...

Магазин закрылся. Охранник ушел за кем-то из начальства. В отделе остались только я с девицей, продавщица бриллиантов и два ухмыляющихся милиционера. Продавцы остальных отделов потолкались немного вокруг нас, по охали, по ахали, насоветовали всякой ерунды и разошлись.

Брюнетка сидела на стуле у прилавка, устало расставив ноги и подняв в верх руку с кольцом, ожидая, что кровь скоро отхлынет, отек пройдет и кольцо можно будет безболезненно снять. Я стояла рядом.

– Тебя как зовут? – устало спросила девица и подула на палец.

– Рита.

– А меня Света... Вот видишь какая беда, ексель-моксель. Колечко захотелось примерить.

Я еле сдержала смех.

В сопровождении знакомого нам охранника пришел директор Пассажа, или управляющий, не знаю. Милиционеры нехотя поменяли вальяжные позы на более почтительные. Директор быстро оценил ситуацию, подошел к Светке, посмотрел на ценник и присвистнул.

– Так, двадцать два миллиона шестьсот тысяч... У вас есть эти деньги? – недовольно спросил он.

– Ага, я их в лифчике прячу! Можете посмотреть! – в тон ему ответила Светка.

Стояло жаркое лето. На Светке была короткая юбка и шелковая блузка, а на плече весела малюсенькая сумочка, в которой не то, что двадцать два миллиона – рубль мелочью не поместится.

– Ну, что... Мадам, мы уже закрываемся. Оставить вас здесь мы не можем, сами понимаете. Колечко придется с вас снять хирургическим путем... – Саша, – обратился он к одному охраннику. – Вызывай машину, поедem в травму.

– С мигалками? – спросила Светка.

– С мигалками, – утвердительно ответил управляющий.

– Нет уж, – сказала Светка. – Дайте мне телефон, я Славику «на трубку» позвоню.

Принесли телефон.

– Ало, Славик? Как, где пропала? По магазинам бегаю. Да, ладно тебе... Какие мужики, Славик? Ка... Мне? Костюм? А размерчик мой? А цвет? Отпад! – я отвернулась в сторону и засмеялась в кулак. Директор предупредительно кашлянул и я увидела в отражении зеркала витрины, как Светка посмотрела на директора и понимающе кивнула. – Славик, мне тут двадцать два миллиончика шестьсот тысячек срочно понадобились... – я хрюкнула, борясь с распирающим меня смехом, но эта попытка оказалась тщетной и я рассмеялась. Смех получился неожиданно громким в опустевшем торговом зале. – Чего? Нет, это не шутка. Кто смеется? Ритка смеется – подруга моя. В Пассаже я, в Пассаже! Да в Пас... Слава! Вези деньги, а то мне тут палец отрежут!!! – неожиданно громко провозила Светка в трубку и положила ее на рычаг.

Славик приехал через пол часа. Его привел к нам милиционер дежуривший у входа. Как только он появился в дверях отдела с кожаным кейсом в руке, Светка многозначительно показала ему опухший палец на котором сверкало злосчастное кольцо. Славик сразу все понял.

– Светик, обязательно ты куда ни будь вляпаешься! Не в дерьмо так в золото. Скажите, – обратился он к директору. – У вас в хозяйственном отделе нет случайно маленького топорчика с крепкой ручкой?

Директор истомившийся в ожидании нервно хмыкнул.

– Славка, не шали! – предупредила мужа Светка.

– За, что тебя и люблю, – вздохнул Славик и открыл кейс в котором лежали деньги.

Глава третья

в которой вместо дождя идет снег, неоновые пароходы плывут по неоновым волнам, деньги валяются на тротуаре, а спасение приходит как всегда – неожиданно

В душещипательных романах, когда с героиней случается неприятность, (обычно она случается в сентябре), то обязательно идет дождь, мелкий, промозглый и капли обязательно катятся по ее лицу, как слезы, и растроганный читатель в минуты «гениального» прозрения понимает, что это вовсе не водяные капельки, а настоящие слезы, которые почему-то всегда бывают горькие и похожи на брильянты. Дождь идет, а героиня плачет, глотая эти самые брильянты, то есть слезы, и комок, значит, подступает у нее к горлу. Во как.

Но, это в романах. А в жизни, естественно, все по-другому, все в верх тормашками. И вместо благодатного сентября на дворе колючий февраль. Я стою на какой-то улице за два квартала от «России», названия которой не знаю и ловлю такси, что бы доехать до Ленинградского вокзала. И вместо дождя, несмотря на то, что неприятностей у меня «выше крыши», идет снег, хотя надо признать тоже колючий и мерзкий. И плакать не собираюсь потому, что мне кажется, что если мы, женщины, и плачем, то в подушку, когда ни кто не видит и не слышит. Но, чаще всего, когда вокруг достаточно зрителей, способных оценить всю глубину нашего горя, и особенно, если рядом есть некий утешитель, способный погладить по головке и прижать к своему твердому, мускулистому плечу, какового сей час не наблюдается.

Нет, конечно, мы, бабы, натуры более тонкие, более чувствительные чем эти мужички, но и силы воли, и коварства, и, может быть хитрости, у нас несомненно больше чем у представителей, так сказать, сильной половины человечества.

Вы не подумайте, я не феминистка, хотя кому как не мне ей быть, просто в отличии от своих товарок я привыкла всегда анализировать все то, что со мной происходит, иначе можно натворить столько бед. Столько бед... Прости мою душу грешную.

Всю жизнь, я твердила себе: Думай Марго, думай, почему ты такая. Почему природа дала тебе все – ум, тело, и какое тело, чего стеснялся, что выросло то выросло – ноги от горла и волосы до колен и почему она отобрала у тебя самое главное. А главное это...

... – Такси!

Ах, ты желтая, зеленоглазая тварь с пашечками на боку! Не остановилась. Надо было не уходить от «России» на два квартала. Конспирация, конспирация, и еще раз конспирация...

Впрочем, такое редко бывает. Обычно останавливаются. И как останавливаются! Аж дым из-под колес и черные полосы на асфальте. Только коленку покажи и – бац! Как вкопанные. Этот наверно просто битком пошел. И других машин нет. Странно, уж чего-чего, а машин в Москве хватает. Прямо мистика какая-то. Может за углом светофор сломался, или дорогу перерыли, ведь по другой стороне улицы машины-то едут.

...А над улицей, на уровне крыш, выше светящихся окон в домах, плывет огромный неоновый теплоход, плывет по лазурным неоновым волнам в блестящих колючего снега, плывет, переваливаясь с боку на бок, а из него валятся всякие заморские фрукты и игривая надпись под рекламой призывает потенциальных фруктолюбов покупать эти фрукты и пожирать их оптом и мелким оптом по указанному ниже телефону.

– Оп-па-ньки! Это самое... Ну, что, красивая, поехали кататься?!

Черная лакированная туша «Мерседеса» почти неслышно, чуть хрустя широкими шинами по свежему снегу и сдержано урча мотором, подкатилась к тротуару, пока я наслажда-

лась неоновым фруктопадом. Средних размеров «новый русский», с прилизанными с помощью геля, или как говорили раньше, набриолиненными волосами «на пробор», в маленьких, кругленьких, понтовых золотых очечках с прозрачными, но простыми стеклами, обезоруживающе улыбаясь смотрел на меня, на половину высунувшись из окна автомобиля.

– Так, поедем? Или как?

– Перебьешься. – Отойдя подальше от края дороги, я пошла вдоль улицы на встречу автомобильному движению.

К этим лучше не садится. Знаем. Плавали. Сначала в кафешку, в ресторанчик какой ни будь, потом в баньку или на квартирку. Потом напрягать будут, мол, мадам, разрешите вам впендюрить разок, другой, третий. Гусары «нюю рашенс ибн бандито»... Хотя эти ребята...

– Это самое... Милая, какая ты все таки грубая! Не хорошо это. Мы, может, просто хотим до дома тебя подвезти, – «Мерседес» стал пятиться задом, постоянно держась на против меня.

– Спасибо, меня уже семь раз до дому подвозили, ни разу домой не доехала, – напряженно сострила я.

Шутка прошла. В машине раздался хохот водителя. Прилизанный тоже хохотнул.

– Слушай, да ты не только красивая, но еще и юморная! Так поедем или нет?

– Отвали, – сказала я и пошла еще быстрее, чувствуя первые позывы страха.

Эти не отвяжутся. И парадной ни какой поблизости, что бы спрятаться. И такси ни одно не остановится. Что, они, дураки, таксисты-то? Видно же, что крутые ребята, на крутой машине девку клеят. Попробуй остановись. Голову снесут, только ноги забрякают.

– Родная, да не спеши ты так! Мы же за тобой не успеваем! – Прилизанный снова хохотнул, но смех его был каким-то не естественным и я стала догадываться почему.

Тут уже ни подворотня ни парадная не поможет. Да же если я найду какую ни будь парадную. Да же если в этой парадной я смогу спрятаться в чьей ни будь квартире, что мало вероятно. Какой дурак мне откроет. Все равно эти субчики меня достанут. Дверь выломают в конце концов.

– Ну, ладно, поупрямились и будет, – Прилизанный заговорил мрачным, серьезным голосом. – Георгий сказал...

Я остановилась. «Мерседес» тоже остановился.

Вот оно волшебное слово – «Георгий сказал». Так я и знала. Можно больше не рыпаться. Садись в машину, дура. Садись. Все равно скрутят. Все равно посадят. Садись. Карета подана.

... – Это самое... Георгий сказал, что бы мы тебя привезли в любом случае. Георгий сказал, что есть работа.

– Сколько? – почему-то спросила я.

– Это самое... Сто тысяч.

– Долларов? – спросила я, понимая, что спрашиваю глупость.

– Во дает! – сказал парень обращаясь очевидно к водителю. – Ну, не рублей же!

Пронзительный визг тормозов прервал нашу весьма занимательную дискуссию. Под самый багажник черной иномарки, оставив след на заснеженном асфальте, подлетела забрызганная грязью, «Нива», чуть не врезавшись в рубиновые задние фонари.

– Это самое... Ни фига себе! – воскликнул Прилизанный. – Это еще, что за клоун?

Клоун, то есть водитель «Нивы», в котором я с удивлением узнала парня из «России», сидевшего на поворотном круге и так приглянувшегося Светке, быстро, по-деловому вышел из машины, перелез, точнее перепрыгнул, оттолкнувшись ногой от бампера, через капот собственного автомобиля, открыл пассажирскую дверцу, мило улыбаясь, подошел ко мне и взяв из моих рук сумку, произнес:

– Служба спасения молоденьких девушек – «девять один один»! Прошу.

Не дожидаясь ответа, он кинул сумку на заднее сидение и крепко взяв меня по белым рученьки, можно сказать запихнул в свою «колымагу», громко хлопнув дверкой на глазах у изумленных обладателей «Мерседеса».

Впрочем, я и не сопротивлялась. С одной стороны потому, что просто оторопела от его нахальства, с другой... С другой стороны я вдруг внезапно почувствовала, что может быть, это та самая спасительная соломинка, которая наконец нашла меня в мутной водичке последних событий. И я должна, просто обязана ухватиться за нее. Хватать! Глупо, конечно.

Ребята из «Мерседеса» повыскакивали как чертики из коробочки.

Водитель «Нивы» проделал «обратное сальто» через капот, уселся на свое место, захлопнул дверцу и дал задний, до отказа вдавив педаль газа в полник. «Нива» взревела двигателем и свиристо шипами по припорошенному снежком асфальту, подалась назад, набирая скорость и завывая. Ребятки Григория Мелешева побежали за нами, грозно размахивая ручками и выкрикивая всякие нехорошие слова, преимущественно состоящие из трех и пяти букв с редкими вкраплениями предлогов типа «в» и «на». Водитель «Мерседеса», оказался толстым и пузатым, и поэтому немного отстал от своего более спортивного напарника, который уже почти нагнал «Ниву» и находился на вытянутую руку от капота. Тут «Нива» внезапно затормозила.

– Ой! – Вскрикнула я, когда Прилизанный с глухим стуком, набегу врезался в решетку радиатора и упав откатился в сторону. «Нива» резко взяла с места и объехав Прилизанного, ушла вперед по проспекту. Я оглянулась, и сквозь заднее стекло увидела как толстый, похожий на Карлсона водитель, помогает Прилизанному подняться. Спустя несколько секунд их фигурки исчезли за шлейфом густеющего снегопада.

Глава четвертая

Снова Светка

Мелелшев открыл рот, обнажая вместо зубов два ряда черно-белых клавишей рояля и подняв ко рту руку провел по ним ухоженным ногтем. Раздался мелодичный звон.

– Дил! Дили-дил-дил-дили-дил! Дили-дил-дил-дили-дил!

Потом он еще шире открыл рот, и я оказалась где-то в нутри его темной, влажной пасти.

– Дил! Дили-дил-дил-дили-дил! Дили-дил-дил-дили-дил! – звенели вокруг меня мягкие влажные стены.

– Дил! Дили-дил-дил-дили-дил!!!

Какая-то часть меня поняла, что это мне всего лишь снится. И во сне, я, понявшая это, сказала, той, другой себе, до которой еще не дошло, что это всего лишь сон, и которая еще спала:

– Да проснись, же, дура! Телефон звонит!

– Какой, телефон? Это же...

– Да сон это! Сон!

Я проснулась, но продолжала лежать с закрытыми глазами, слушая зубодробительную трель телефона.

Телефон не умолкал.

– Да, нет, это просто наказание какое-то!

Телефон бесчинствовал и надрывался.

– Уф-ф-ф...

Я с турдом приподнялась, села на кровати и сняла трубку.

– Ритка, это ты? – весело спросила Светка.

И чего она веселится в час ночи?

– А кто по твоему?

– Ну, вдруг, мужик какой подойдет... – хихикнула она. – Слушай, Ритка, а чего ты мужиков к себе не водишь? Ты же красивая баба... – Светка таинственным шепотом, так, чтоб не услышал ее Славка, заговорила в трубку. – Я бы на твоём месте каждый день новых водила. Живешь, как синий чулок какой...

Я посмотрела на светящийся циферблат часов, стоящих на прикроватной тумбочке. Двенадцать минут второго. Ничего не скажешь – «детское времечко»! На том конце провода слышались, кроме Светкиного интригующего шепота, громкая музыка, веселые женские и мужские голоса.

– Светка, ты что разбудила меня для того, что бы поинтересоваться странностями моей сексуальной жизни? Где вы там зависаете? – устало спросила я.

– Мы со Славиком в ресторане, но это все фигня! Слушай, Ритусик, у меня для тебя такая новость! – Светка сделала многозначительное ударение на слове «такая».

– Ну, выкладывай, – я зевнула и потянулась. Шелковая ночная рубашка приятно холодила разгоряченное сном тело.

– Ритка, мы с тобой едем в Москву, на конкурс красоты!

Я чуть не грохнулась с кровати.

– Мать, ты, что, сдурела!? Какой конкурс? Какой красоты?

– Как какой? – удивилась Светка. – Нашей с тобой, женской! Не мужской же!

– Какая Москва? Чего ты мелешь вообще? – я начинала на нее злиться. – Чего ты там еще навывдумывала? Не можешь без этих, своих, фортелей!

– А чего это такое? – спросила Светка.

– Что?

– Ну, все говорят мне, Светка, ты не можешь без фортелей, не можешь без фортелей... Чего это такое фортели-то?

Н-н-да. Без бутылки шампанского здесь не обошлось.

– Заскоки это! Понятно? – ответила я Светке. – Вот, у тебя сейчас один такой заскок-фортель. Понятно?

Светка хихикнула в трубку.

– Славка танцевать пошел... Ишь как пузом своим вертит! Прямо танец живота! Ой, Ритка, баба какая-то к нему клеится... Зенки, по выколупываю! Не, мне показалось...

Во блин! Она со мной разговаривает или на муженька своего пялится?

– Так, что такое фортели? – Спросила Светка.

– Заскоки это, дура!!! Задолбы! – крикнула я в трубку. – Ты меня задолбала, Светка! Пока, короче, я спать ложусь, – я уже хотела повесить трубку, но Светка залопотала.

– Ритка, Ритка, постой! Так, чего с Москвой-то?

Опять – двадцать пять!

– Светка! Дурында! Горе ты мое! Какая Москва? – я чуть не плакала. – Я спать хочу! Я уже месяц из дома не выхожу! У меня неприятностей, как заплат у нищего на подштанниках. Я видеть никого не хочу, и слышать никого не хочу, и нюхать никого не хочу!

– Вот и хорошо! – оптимистично воскликнула Светка. – Развеешься.

– Светик, я тебя умоляю, позвони завтра...

«Черта с два!» – подумала я. – «Завтра я нарочно телефон отключу».

– Ритка, ни каких завтра! – категорично ответила Светка. – Мы тут сидим с одним мужиком... Ты телеигру «Поле чудес» по телеку смотришь?

– Сейчас что ли? В два часа ночи? – я бессильно выдохнула воздух.

– Да не сейчас, конечно, а вообще?

– Это которую Якубович ведет? – вот, Светка, вот привязалась!

Я откинулась спиной на измятую ночным кошмаром кровать, прижав трубку к уху и слушая Светкину болтовню.

– Во-во, Ритка, правильно! С Якубовичем мы сидим! Приятный дядечка, хоть седой и старенький, – у Светки все мужики приятые. – Так вот, Якубович будет главным распорядителем и ведущим конкурса красоты «Звезда России». Мы с ним познакомились, выпили, я ему рассказала про тебя и он нас пригласил... Славка, ну подожди, не трогай трубку, сейчас льготное время! – на том конце линии послышалась возня. Светкин муженек отбирал у своей болтливой супруги радиотелефон. – Жадюга! Аккумуляторы у него садятся! Тут судьба решается, а у него аккумуляторы, видите ли! Не трогай! Каких пол часа? Я всего минутку поговорила! Ты поняла, Ритка, с кем я живу? Телефона ему для меня жалко! Денег для любимой женщины, жены, пожалел! Жлоб! Уйди, я тебе говорю!

Я лежала поперек кровати, свесив ноги, и мне уже все было до фонаря. Пускай, Светка болтает. Пусть рассказывает чего хочет. Я засыпаю.

– Так, вот, Ритка, ты меня слышишь? Ало! Ало, заяц ты меня слышишь?

– Слышу, слышу, – сонно протянула я.

– Ритка, ты смотри не засыпай! Я еще не все тебе рассказала. Хочешь, мы к тебе приедем?

– Куда? – спросила я. – В два часа ночи? Во Всеволожск? В пригород попретесь?

– А, ну да, верно... – Светка задумалась. – Тогда я завтра за тобой приеду. Собирай вещички, поедем в Москву. Якубович говорит, что завтра последний день. Что отборочный тур уже прошел, и мы попадем сразу на первый тур. Так сказать по знакомству. Славик тут ему денежек пообещал...

– Светка... У меня... Психологический кризис.

– Развеешься.

– У меня мама больная.

- Сиделку найдем.
- У меня месячные.
- Ничего, «Тампакс» вставишь и о`кей!
- Светка, – я перевернулась на живот. – Может ты одна поедешь на этот твой блядский конкурс, а? Я-то тебе зачем нужна?
 - Как! – удивилась Светка. – Ты же самая красивая женщина в Петербурге! Кого хочешь спроси. Вон, хотя бы Славика. Он говорит, что влюбился в тебя как увидел. Говорит, жаль только, что ты его не любишь.
 - Светка, ты тоже красавица. Зачем тебе конкуренция в моем лице?
 - Да брось, ты, Ритка! Это все не серьезно! Так, развеяться. И тем более я знаю, что ты все равно красивее меня. И фигура у тебя круче. Я вон, на шейпинг хожу, хожу и ни фига, как висела задница, так и висит, а у тебя все родное – природное.
 - Светка, перестань, ничего у тебя не висит! – я не то, что бы разомлела от комплимента, просто мне было приятно. В отличии от остальных моих подруг, в Светке не было ни капли зависти.
 - Так, что я приезжаю? Отвечай скорее, а то Славик уже действительно нервничать начинает.
 - Светик, я не хочу! – я снова села.
 - Ну, пожалуйста! Мне одной будет скучно и одиноко... – Светкин голос стал жалобным и плаксивым.
 - Ладно, приезжай! – я повесила трубку.

Глава пятая

в которой одни убегают, а другие догоняют.

И в которой зарождается я большое светлое советское чувство, в то время как смерть ходит неподалеку

Вечерняя Москва вращалась за окном автомобиля. Уверенная в своих силах зимняя ночь закутывала Первопрестольную в силки жесткого февральского снега. Люди, машины, фонари, витрины и светофоры бились в упругих снежных нитях стараясь вырваться из колючего плена. «Нива» плыла по проспекту в пурпурной лаве полыхающих стоп-сигналов. Автомобильное движение усилилось. Проспект раздался в ширину до восьми рядов. И казалось, что Москва изрыгает из своего чрева, подобно вулкану, светящуюся массу автомобилей, текущую в двух противоположных направлениях вопреки всем божественным и физическим законам. И в эту реку, из примыкающих улиц, из жерл тоннелей вливались все новые и новые потоки галогенных огней, растворяясь и переполняя ее выше уровня тротуаров. И злюка-зима еще больше стервенела от того, что ее ледяные посланники ниспадающие с неба, ломали себе крылышки, таяли на обжигающих раскаленных железках сотворенных не ее руками.

– Садовое, – подал голос мой, так сказать, спаситель. – Здесь они нас точно не найдут.

Он украдкой посмотрел на меня, и я поняла, что он чувствует себя смущенным.

Тоже мне супермен. Странные эти мужики. Как на дзот грудью бросаться, так пожалуйста. А как с дамой им же спасенной из липких волосатых рук гангстеров светскую беседу затеять, так сразу краснеть, пыхтеть, сопеть и смущаться. Н-н-да, милый.

– Не найдут, говоришь? – я оглянулась и снова посмотрела сквозь заднее стекло.

Проспект пошел на подъем и мы находились уже почти на самом его гребне, так что сверху была хорошо видна светящаяся панорама идущих за нами автомобилей. В чинном порядке двигающихся друг за другом фар выделялась одна пара озорных огоньков перемещающихся с большей чем у всех скоростью. Обгоняющая другие, недовольно мигающие огоньки, перестраивающаяся из ряда в ряд, и, что самое печальное, неотвратимо приближающаяся к нам.

– Значит, говоришь, не найдут? – Переспросила я.

– Уже вижу, – ответил мой «спаситель» мельком взглянув в зеркало заднего вида.

– Тогда гони, если жить хочешь.

– Думаешь, пристрелят?

– Как пить дать! Не меня конечно. Тебя пристрелят.

– Крутые ребята.

Я фыркнула. У мальчика, наверное колени затряслись и геморрой вывалился от страха.

– Ты, что, уже пожалел, что меня у этих гавриков отбил? Тогда останови, я выйду. Только сумку возьму.

Парень посмотрел на меня и скривил губы в усмешке.

– Что смотришь? Стерва я, да? Стерва?

– Пристегнись.

– Чего?

– Пристегни ремень, говорю! Покатаемся, – и он сам, одним движением затянул ремень безопасности.

– Ну-ну, – сказала я, но на всякий случай пристегнулась.

И правильно сделала. Потому, что «Нива» натужно взвывая двигателем резко прибавила скорость и стала продирается сквозь плотный строй автомобилей протестующих резкими, обиженными гудками.

Справа в дверь с моей стороны постучали. Я повернулась, и увидела улыбающегося Карлсона за рулем «Мерседеса», который правой рукой управлял машиной, а левой, через открытое окно барабанил в мою дверку, двигаясь с нашей скоростью и не давая нам перестроиться.

– К нам гости, – сказала я.

– И, что хотят эти люди? – спросил мой спасатель.

Я приспустила оконное стекло и крикнула в щель окна:

– Чего надо, ребята? Выкладывайте побыстрее, а то вам мой парень пирожков в попу напихает! – к месту сказать я была не слишком вежлива.

Карлсон заржал и подался на сиденье назад, указывая на своего напарника. Прилизанный покачивал в руке внушительного вида пистолетом и что-то кричал сквозь дорожный шум, указывая дулом на моего водителя.

– Чего он говорит? – спросил спасатель.

– Говорит, что на дуэль вызывает. Из-за дамы сердца. Дама сердца это я.

– А пистолет дадут?

– Это вряд ли.

– Тогда я не согласен. Посторонись! – и мой водитель резко крутанул рулем в право.

Движущиеся вокруг машины взвыли клаксонами. «Нива» ударилась боком о полированную плоскость «Мерседеса». Я испуганно вскрикнула и впилась руками в сидение, больно стукнувшись плечом о дверку. Карлсон, не ожидавший от нас такой прыти не сумел удержать автомобиль на заснеженном асфальте и грузный «Мерседес» стало разворачивать поперек проспекта. «Нива» ушла вперед. Истерический вой клаксонных позвонков стал еще более громким. К нему примешались визг тормозов и глухой звук удара сталкивающихся автомобилей.

– Слушай, у тебя права отберут! – сказала я.

– Не отберут, – ответил мой сосед все дальше уезжая от места аварии. Светящаяся пасть тоннеля накрыла нас и вокруг побежали штрих-пунктиры тоннельных огней.

– Тебе куда ехать? – спросил он.

– На Ленинградский вокзал... А тебя как зовут?

– Вообще-то этот вопрос обычно мужики задают первыми.

– Так задай! – сказала я и усмехнулась. Ишь какой блюстителю этикета нашелся с уклоном в Джеймс Бонды.

– Да вообще-то я знаю. Тебя звать Маргарита. Ты очень красивая. Ну просто очень. Настолько красивая, что я в тебя влюбился как увидел.

«Нива» выехала из тоннеля, перестроилась в правый ряд и свернула на боковую, менее оживленную улицу.

Я посмотрела на парня. Тот с нарочитой сосредоточенностью управлял автомобилем, стараясь не смотреть на меня. Светка права. Он действительно симпатичный. Хотя бы в профиль. Мой тип мужчины. Не смазливый, а симпатичный.

– Это, что, признание в любви? – спросила я и лукаво взглянула на него.

Парень молчал, вцепившись в руль, напряженными руками. Симпатичный и стеснительный. Какая прелесть!

Машина замедлила движение и остановилась у тротуара напротив какой-то булочной. Из нее выходили люди неся в пакетах свежее испеченный вечерний хлеб. Я представила себе запах этого хлеба. Представила дом, мать, ужин на маленькой кухне в Ленинградской хрущевке... И почувствовала... Нет не голод. Почувствовала какую-то защищенность. Определенно этот парень действует на меня успокаивающе. У меня перестали подрагивать руки. Я

вдруг успокоилась и расслабилась. Словно не было преследователей Мелешева. Словно я катаюсь со своим парнем по вечерней Москве, наслаждаясь жизнью, радостью и возможностью любить, а не играть в любовь. И что прекраснее всего – не играть в секс, потому, что...

Парень выключил двигатель, фары, достал из бардачка сигареты и закурил. Глубоко затянувшись, он выпустил дым в открытый треугольник форточки и положив руки на руль молча смотрел, как снежинки падают на лобовое стекло и тают... Тают...

– И все-таки? – игриво спросила я.

– Наверное я в тебя влюбился, – тихо ответил он. Рубиновый огонек сигареты зажатой между пальцами тлел пуская в верх тонкий витиеватый ручеек дыма.

Какая прелесть! Симпатичный, стеснительный, наивный чукотский юноша! Он в меня любился! Пять минут назад! С первого, так сказать, взгляда. И уже успел совершить во славу возлюбленной несколько подвигов. На белом, хоть и слегка замызганном, коне похитить возлюбленную из рук мерзких сатрапов и на полном скаку сокрушить их боевого скакуна немецкой породы. Восхитительно! Прелестно! Мне остается только упасть к нему в объятия.

– А имя мое ты в «России», на конкурсе узнал? Ты там кажется поворотным кругом заведешь, в свободное от спасения красивых девушек время? – съехидничала я. И почувствовала как мне становится стыдно за свое ехидство. – И как же все таки тебя зовут, король поворотного круга и мастер автогонок? Джеймс Бонд?

– Мишаня, – тихо ответил парень, потом повернулся, посмотрел мне в глаза и добавил. – Ты всегда так издеваешься над мужчинами?

Хм. Мишаня... Надо же! Мне стало его жалко. Потому, что он мне действительно начал нравится. Потому, что он был похож на моего отца, оставшегося там в далеком детстве, когда мне было... Такой же добрый и простодушный. И красивый по-мужски. Я посмотрела на Мишу и вдруг мне захотелось, что бы он прижал мою голову к своей груди и погладил меня по волосам своими теплыми руками. Самое восхитительное ощущение из всех! Когда твоя голова находится на груди любимого мужчины и ты чувствуешь сладковатый запах его одежды пропахшей табачным дымом и хорошим одеколоном. И его рука порхает в твоих волосах. Сильная и нежная... Расслабляешься, рыбка! А ну гони его быстро! Не дай ему схватить твое сердце своими мужицкими лапами! В шею его! В шею!

– Знаешь, что, Мишаня! Из-за тебя я сегодня потеряла сто тысяч зелененьких!

Мишаня затянулся и стряхнул пепел в пепельницу.

– Я думаю, что ты не очень расстроилась... А, что, так нынче платят путанам высшей наценочной категории?

Ишь, ты! Обиделся!

– Нет, путанам так не платят! – Фыркнула я и подумала: «Зачем я все это ему говорю?»

– А кому?

– Не твоего ума дело!

Это уж точно. Зачем ему мои проблемы?

– Странная ты... – сказал он. – Крутую из себя строишь. Говоришь зло, а в глазах...

– Что у меня в глазах? – Настороженно переспросила я. Похоже, Мишаня не такой лапот как кажется.

– Нежность и грусть.

Вот те раз! Наблюденице! А как говорит! Как говорит! Речи-то до чего сладкие, мамочка... Гони его Ритка, гони быстрее!

– Слушай, Мишаня! Я все цело разделяю твои чувства и ценю твою помощь, но в данный момент амурные дела мне нужны меньше всего на свете. Поехали на вокзал, а?

– Ты меня все равно полюбишь, – сказал Мишаня, затушил сигарету и завел двигатель.

– Это еще почему?

– Потому, что я тебе нравлюсь.

– Ты!?

– Я.

Во дает. Да на фига тебе такое счастье?

– Слушай, Мишаня, – я положила свою ладонь на его руку и почувствовала как он вздрогнул. – Между нами – пропасть. Настолько большая, что тебе и не снилось. Вези на вокзал!

Так его. Пусть думает, что хочет. Он мне не нужен! Я посмотрела на Мишаню. Наверно не нужен. Ой, Ритка, пропала ты! Где же этот вокзал, черт бы его побрал!

Машина поехала. Мишаня молчал. Я тоже молчала, чувствуя, что все происходит совсем не так, как должно происходить. Господи, за, что мне такое наказание? Один раз в жизни встретила человека, который мне понравился и должна от него отказаться.

Через пятнадцать минут молчаливой езды Мишаня остановил машину у края площади и сказал, – Вокзал. Ленинградский.

Я полезла на заднее сидение, достала свою сумку, но выходить из машины не стала, а обняв свое богатство, села молча уставившись в лобовое стекло. Перед машиной какой-то мужик тащил здоровенный чемодан. Чемодан был очень тяжелый. Он-то нес его, то тащил волоком, не желая расставаться со своей ношей, матерясь и на разные лады, во весь голос проклиная какую-то Катю.

Миша смотрел на меня, а я будто не замечала того, что он на меня смотрит, но чувствовала, что ему было приятно и одновременно грустно это делать. Я не хотела на него смотреть. Перед глазами плыл жирный пробор Прилизанного, полу стершееся лицо Мелешева... Бывают такие лица, которые всегда трудно представить в памяти. Все время всплывает какое-то говорящее, размытое пятно. Я представляла отчима. Его потные руки, его лицо покрытое испариной, тоже постоянно являющееся мне в самых страшных кошмарах вместе с нарастающим ощущением боли и страха. Я вспоминала всю эту мерзость и не хотела смотреть на Мишаню, потому, что он показался мне таким близким, таким родным. И мне совсем не хотелось выходить из машины, оставлять его одного. Мне хотелось остаться здесь, рядом с ним. Поцеловать его нежно, трепетно. Потому, что он был такой хороший. Такой необычный... Я не хотела смотреть на него, потому, что знала, что если я посмотрю на него то так и сделаю.

Все. Пора. Решила я и не говоря ни слова попыталась открыть дверь. У меня ничего не получилось.

– Заклинило... – проговорила я не глядя на Мишаню. – Дай я выйду через твою сторону.

Мишаня молча открыл свою дверь и вышел из машины. Я с трудом перебралась на водительское сидение, больно ударившись коленкой о ручку переключения скоростей. Мишаня принял у меня сумку и подал мне свободную руку. Выходя, я столкнулась с ним лицом к лицу, хотя всячески старалась избежать этого.

– Я найду тебя, – сказал он.

Господи, до чего сентиментально. Я посмотрела в его глаз и чуть не совершила поступок, которого так не желала. Стой, Ритка. Не вздумай бросится к нему на шею. Не губи его душу. Отшей его сей час же!

– Не стоит этого делать, – ответила я ему.

– Почему?

– Потому, что я тебя убью...

Глава шестая

Мишаня

– У тебя, что, есть ружьишко? – Скептически спросил Мишаня.

– Ага, двустволка с оптическим прицелом, давай сумку, мне пора, – я схватилась за ремень сумки, испытывая жгучее желание поскорее уйти и избежать дальнейших разговоров.

– А стрелять-то умеешь?

– Умею, не переживай. Сумку-то отдашь? – я дернула за ремень.

– На, – спокойно ответил Мишаня, выпуская из рук сумку, и отходя в сторону. – Только смотри не промахнись, – в словах его появилась какая-то двусмысленность.

– То есть?

– Когда твои друзья на шестисотом «Мерседесе» снова за тобой приедут. Ты ведь будешь отстреливаться, не так ли?

– Куда приедут? В Питер что ли?

– И в Питер, и в Тамбов, и Урюпинск. Думаю у них бензину хватит даже до Владивостока. Так как? – Мишаня не забираясь в машину боком сел на водительское сидение, достал сигареты из бардачка и снова закурил.

Как, как. Я сама знаю, что приедут. Может быть я даже в поезд сесть не успею. Но, парень, оказывается, умеет делать выводы. Это становится интересным!

– А чего им за мной в Урюпинск ехать?

– Ну, ты же сама сказала, сто тысяч долларов. Как говаривал Шерлок Холмс: «Ватсон, это же элементарно!» – Мишаня зажал в губах сигарету и стал загибать пальцы.

– Один человек... Не эти типы в «Мерседесе», это так, рассыльные, а кое-кто покруче, пообещал заплатить тебе кучу денег, так? – Мишаня загнул один палец.

– Допустим.

– Большую кучу. По нынешним временам целое состояние.

– Ну, – я взяла ремень сумки в обе руки.

– И именно тебе, – Мишаня загнул второй палец. Дым от сигареты зажатой в губах резал ему глаза и он зажмурил правый глаз, что б не слишком щипало.

– Значит ему понадобилась ты и никто другой тебя заменить не может.

– Слушай, какой ты догадливый! – я изобразила фальшивое восхищение. Этот Мишаня парень конечно хороший, но... – Слушай, у меня скоро поезд. Я пошла и спасибо за все. Чао! – я развернулась и хотела уже идти но Мишаня проговорил:

– Постой, я же не сказал кто хочет заплатить и за что.

Вот это уже действительно интересно! – я повернулась к Мишане.

– Ну.

– Некто, господин Григорий Мелешев! Думаю, если он готов заплатить сто кусков, то и в Урюпинске ему тебя найти не проблема, – Мишаня улыбнулся.

– И за, что же?

– Ну это уже совсем просто! Ты же очень красивая женщина! Не женщина – мечта, даже вот так, в кроссовках и джинсах.

Теперь настала очередь мне улыбнуться.

Вот он что имеет в виду. Конечно, за что еще могут предложить деньги женщине. Только за койку. Просто у каждой женщины своя цена. Которую за трешку купит можно, а меня значит за сто тысяч долларов. Спасибо тебе Мишенька дорогой, что так дорого меня оценил. Но про Мелешева он верно подметил. Детки его наверно уже в погоне.

– Слушай, Миша, ты тут говорил, что-то про Шерлока Холмса... Ты часом не из милиции? Или может быть ты частный сыщик? Или еще хуже – из полиции нравов?

Мишаня глубоко затянулся, задержал дыхание и с шумом выпустил облако дыма и пара.

– Что ты! Как ты сказала, я поворотным кругом в «России» заведу. А по вечерам спасаю молоденьких девушек и тараню бандитские «Мерседесы».

– А откуда ты знаешь, что это Мелешев?

– Так он же главный спонсор конкурса! Я его с директором видел. Директор перед ним на цирлах скакал.

– Ну и что? Мало ли еще какому «папику» со мной переспать приспичит?

– Вообще-то мне, тезка мой, Мишка-охранник, который вашу гримерку сторожит и в замочную скважину подглядывает, сказал, что ты убежала из «России» после того, как к тебе какой-то болван от Мелешева приходил. Не знаю насчет чего он тебя убалтывал, но я так понял, что тебе это не понравилось. Ну и еще я подумал, что они от тебя так просто не отвяжутся. Поэтому сел в свою красавицу, – Мишаня похлопал по дверной стойке «Нивы». И за тобой. Гляжу, а там уже «Мерс» пасется... Дальше ты знаешь. Кстати, кругом я больше не заведу. Его как раз поворачивать надо было, а я улетел на крыльях любви как Тристан спасать свою Изольду. Так, что завтра меня уволят.

– И чего ж ты на такие жертвы пошел? – спросила я и кивнула на «Ниву». Вон и «красавицу» свою покорежил... Ремонту-то наверное на две твоих полочки? И с работы тебя уволят...

Мишаня горько усмехнулся. Я поняла, что сейчас объяснения в любви точно не избежать. И как бабы это чувствуют?

– Вообще-то ты права... Глупо все это, – он затушил окурок о подошву ботинка и этой же ногой затер его под машину. – Просто... Я сейчас наверное опять ерунду какую ни будь банальную скажу. Ты уж извини. Но такого непонятого ощущения я еще не испытывал никогда. Как только я тебя увидел... С подружкой с твоей... Первый раз. Вас еще мужик какой-то на «бомбе» привез... Ее муж или приятель, я так понял, – Мишаня запнулся. – Что-то я дара красноречия лишился? Ты не находишь? – он усмехнулся. – Н-н-да... Как говорил Остап-Сулейман-Берга-Мария-Бендер-Бей, у меня налицо все пошлые признаки влюбленности: скверное настроение, отсутствие аппетита и непреодолимое желание писать стихи, – Мишаня мечтательно подставил лицо падающим с неба снежинкам. – Снег-то какой колючий... Как ты думаешь, может там за облаками находится огромный снежный кактус с которого постоянно осыпаются ледяные иголки?

Я улыбнулась и тоже посмотрел в верх. Над привокзальной площадью, заполненной людьми, машинами, чемоданами, тележками, трамваями, автобусами в феерическом танце кружился снег, и каждая снежинка по отдельности исполняла в нем головокружительное фуэте. И только сей час я поняла, как тихо там вверху над огромной Москвой, и как шумно здесь внизу, на привокзальной площади. Неужели люди не могут вот точно так же плавно перемещаться в своем земном пространстве бесшумно и не мешая друг другу.

– Просто, я загадал, – раздался вдруг голос Мишани. – Вот девушка, которая для меня дороже всех женщин мира. И я должен сделать все для того, что бы она не прошла мимо меня. Вот я и делаю... Банально, наивно и где-то даже патетично. Тебе не кажется?

Я подумала, что все это действительно наивно, но и приятно, потому, что искренне. Эх, Марго, Марго. Сколько раз ты мечтала о том как кто-то произнесет тебе именно во такие слова. Эх, Мишенька – Мишаня, ты мне тоже очень понравился, не знаю почему, но... Разошлись пути – дорожки. Посылай его Маргуша подальше и ступай на вокзал за билетом. Пока Мелешевцы не очухались. Эх...

– Ты уже уходишь? – Миша наклонил голову и с низу в верх посмотрел на меня.

– Ухожу.

– Но они же все равно тебя найдут. От них не уйдешь, – он вдруг резко встал, подошел ко мне, и серьезно посмотрел мне в глаза. – Они же найдут тебя!

– Я знаю, – чуть помедлив я протянула руку и коснулась кончиками пальцев его губ, ощущая подушечками его горячее дыхание.

– И, что ты будешь делать? – Мишаня каким-то неуловимым движением губ поцеловал мои пальцы.

– Не знаю.

– Давай я тебе помогу, – он снова поцеловал мои пальцы.

– Нет, – я закрыла глаза.

– Почему? – еле слышно спросил Мишаня, покрывая кончики моих пальцев мелкими горячими поцелуями.

– Потому, что ты ничего не знаешь, – я вдруг быстро поцеловала его в губы и не давая ему опомниться, вырвалась из его рук и побежала прочь.

Глава седьмая

В которой имена имеют магическую силу, вокзалы кажутся самым прекрасным местом на свете, а ветер странствий навевает воспоминания возвращающие к суровой действительности

– Слушай, подруга! Заработать не хочешь?

Е-мое! Да, что же это делается? Куда, я вас спрашиваю, красивой бабе податься? Лицо себе, что ли серной кислотой залить? Ноги под трамваем переломать? Глаз выколоть? Куда не придешь – кругом мужики с эрегированными членами! И чего только не сделают. И денег дадут, и в шампанском искупают, и спинку мочалочкой потрут, и дерьмо за тобой вылизут, лишь бы только свою стоячую торчком морковку тебе между ног засунуть. Идиоты!

– Так как? Есть хороший клиент. Выгодный, – Привокзальный сутенер, специализирующийся на провинциалках – коротко стриженный парень в искусственной пропитке, переминался передо мной с ноги на ногу, осовев от февральской стужи.

Я презрительно смерила его отработанным «отворотным» взглядом и проговорила с преувеличенным сочувствием в голосе:

– Извини, милый, но у меня, это самое... сифилис. А то я бы с удовольствием.

Парень хмыкнул, поняв, что обратился не по адресу.

– Че, венеролог запрещает?

– Ага, – грустно проговорила я и вздохнула.

– Так ты че, подруга, москвичка?

– А, че, не видно, дружек? – передразнила я его.

Парень хохотнул.

– Так ты, че, в Питер едешь?

– Не, в Копенгаген.

Он по переминался еще немного с ноги на ногу, ковырнул носком ботинка асфальт перрона и сказал:

– Меня Колей звать.

– Очень приятно – Агрофена я.

Парень хмыкнул.

– Может, когда вернешься, че-как, встретимся, в кабак сходим... Приедешь, спроси Колю-Чирика, меня на Ленинградском каждый мент знает.

Вот так – еще один очарованный поклонничек нарисовался. Одна тысяча девятьсот сорок третий по счету, если не ошибаюсь.

– Не, Коля, ты уж извини, хоть ты и Чирик, но увы...

Коля-Чирик помялся еще немного, поежился, посмотрел по сторонам в нерешительности, шмыгнул забитым носом и сказал:

– Ну, ты это, если кто приставать будет, лох какой ни будь... До поезда-то еще пол часа.

Так вот, если кто пристанет – мне скажи. Я его двину... Ты, наверное, манекенщица?

– Нет, я жена Мелешева, – вдруг брякнула я.

– Какого Мелешева?

– Того самого.

Парень побледнел, престал переминаться с ноги на ногу и даже вынул руки из карманов, уставившись на меня, словно я сказала, что я Наина Ельцина или Раиса Горбачева.

– Серьезно, что ли?

– Серьезней не бывает, – я очаровательно улыбнулась.

– Во, блин! Черт... Можно я тебе сумку до поезда донесу?

– Да, ладно... Не прогибайся – спину сломаешь. Лучше иди-ка погуляй.

Парень всем своим нутром чувствовал, что надо как можно побыстрее отвалить, но не решался повернуться ко мне спиной.

– Это самое... Может тебе мороженое купить? – вдруг нашелся он и покраснел от собственной глупости.

Я рассмеялась.

– Иди, давай! Мороженое...

– Не надо что ли?

– Нет.

– Ну тогда я пошел...

– Иди, иди...

– Ты это, не говори, короче, что я... Я пошел. Все.

– Иди.

Коля-Чирик стал пятиться задом. Если бы он умел делать реверанс он несомненно сделал бы его. Он пятился, пятился, потом, развернулся и пошел от меня быстрым шагом, постоянно оглядываясь, словно я должна была выстрелить ему в спину, достав маленький дамский «Браунинг» из рукава.

Забавно как имена некоторых ублюдков действуют на им подобных. Жена Мелешева! Подумать только, что за птица!

Коля-Чирик исчез в каких-то боковых дверях и больше не появлялся.

Вокруг маялись люди в ожидании питерского поезда. Кто стоял, сонно оглядываясь по сторонам. Кто сидел на своих пожитках. Большинство курили. Мужики украдкой бросали на меня взгляды. Женщины тоже поглядывали в мою сторону, заметив интерес своих мужей к моей персоне. Но смотрели они по другому – оценивающе.

Одна толстуха пихнула в бок своего муженька, уставившегося на меня с раскрытым ртом и, что-то принялась ему выговаривать сквозь зубы.

К подобным картинкам я привыкла с тех самых пор как надела лифчик. И то, что на меня в общественных местах люди показывали пальцами, я научилась переваривать спокойно и даже где-то с юмором.

Иногда, для развлечения, я подмигивала какому ни будь мужчинке находящемуся под конвоем своей дражайшей и наблюдала его забавное замешательство. Бедняжка, как песик на поводке, рыпался в мою сторону, но куда там! Ошейничек-то, затянут на последнюю дырочку.

Конечно, приятно, что тебя везде замечают. Жалко только, что подобное внимание иногда бывает таким назойливым. А как хотелось бы стать неприметной, маленькой, веснушчатой и невзрачной...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.